

Андрей Интереснов

Карманный билет в Малую Москву

Андрей Интереснов

Карманный билет в Малую Москву

«Автор»

2026

Интереснов А. А.

Карманный билет в Малую Москву / А. А. Интереснов —
«Автор», 2026

Владимир — выпускник института, инженер и человек, который уже не верит в чудеса. Но однажды, работая над дипломом, он снова оказывается в Малой Москве — подземном городе, где свет, вода и жизнь зависят от старых кабелей и человеческой заботы. Здесь всё работает по своим ламповым законам, а сбои в автоматике могут остановить целый город. Вместе с Лиской, ставшей старшим диспетчером, Владимир ищет причину загадочных импульсов, которые угрожают Малой Москве. Он чинит контакты, обновляет схемы, учится доверять и объяснять сложное простыми словами. Постепенно он понимает: источник проблем — не только внизу, но и наверху, в институте, где проходят эксперименты с электричеством. Это история о взрослении, ответственности, дружбе и о том, как даже маленький город под землёй может зависеть от решений, принятых наверху. Иногда, чтобы спасти свет, нужно просто не бояться взять на себя заботу о других.

Андрей Интереснов

Карманный билет в Малую Москву

Карманный билет в Малую Москву

продолжение истории про малую Москву

Автор: Интереснов Андрей Александрович

Москва 2026

Аннотация

Владимир — выпускник института, инженер и человек, который уже не верит в чудеса. Но однажды, работая над дипломом, он снова оказывается в Малой Москве — подземном городе, где свет, вода и жизнь зависят от старых кабелей и человеческой заботы. Здесь всё работает по своим ламповым законам, а сбои в автоматике могут остановить целый город.

Вместе с Лиской, ставшей старшим диспетчером, Владимир ищет причину загадочных импульсов, которые угрожают Малой Москве. Он чинит контакты, обновляет схемы, учится доверять и объяснять сложное простыми словами. Постепенно он понимает: источник проблем — не только внизу, но и наверху, в институте, где проходят эксперименты с электричеством.

Это история о взрослении, ответственности, дружбе и о том, как даже маленький город под землёй может зависеть от решений, принятых наверху. Иногда, чтобы спасти свет, нужно просто не бояться взять на себя заботу о других.

Посвящение

Посвящается моему любимому и неповторимому сыну Владимиру Андреевичу.

Он — мой вдохновитель и стимул для написания книг.

С твоим появлением моя жизнь заиграла новыми красками, с тобой мой дом всегда полон энергией.

Благодарности

Благодарю свою жену Екатерину за её терпение и понимание,

за то, что она всегда рядом и, несмотря на все сложности,

идёт со мной по жизни плечом к плечу.

Оглавление

Брелок

Диспетчер

Город, который держится светом

Мастерская и сгоревшая печь

Обход города

Старый кабельный ход

Сигналы тревоги

Первая точка

Профессор и доказательства

Возвращение в Малую Москву

Скрытый источник

Когда город дышит ровно
Фотоальбом
Источник
Кафедра и решение
Новый свет

Глава 1. Брелок

К утру Владимир научился просыпаться без войны.

Не всегда легко, не всегда сразу, но без той старой привычки, когда ночная игра плавно перетекала в утро, а утро — в институт, и всё вокруг жило на автопилоте. Теперь он ставил сон в расписание, как серьёзную пару. И это, как ни странно, работало.

Игры остались, просто стали другими. По выходным он ещё заходил к друзьям в «Танки», мог провести пару боёв, посмеяться в голосовом чате и выйти — ровно в тот момент, когда раньше говорил себе: «ещё один». В будни он играл редко — слишком много стало настоящих задач, у которых нет кнопки «переиграть».

Владимир почти закончил диплом. В последние недели голова жила в двух режимах: днём — расчёты, схемы, формулировки; ночью — осторожное прокручивание мыслей, как проверить одну гипотезу и не развалить другую. В кармане джинсов он всегда носил брелок. Небольшой, тяжёлый для своего размера, с дверцей и человечками. Старый жетон из Малой Москвы он давно превратил в талисман: нашёл кольцо, закрепил — и получился карманный брелок, который не подходит ни к одному турникету в мире, но почему-то всегда лежит так, будто должен лежать именно там. Иногда Владимир ловил себя на том, что машинально трогает брелок пальцами, когда волнуется, — как будто проверяет, всё ли на месте.

История с Малой Москвой за эти годы почти растворилась. Не потому, что он забыл, а потому что жизнь умеет прижимать к настоящему. Работы, дедлайны, экзамены, стажировки — и то приключение в подземном городе стало звучать в голове как сон, слишком яркий, чтобы объяснять его вслух. Если бы не брелок. И если бы не папа.

Папа умел говорить так, что ты не просто слушал — ты запоминал. Не нравоучения ради нравоучений, а точные слова, которые потом неожиданно всплывают, когда нужно сделать выбор. По выходным они иногда сидели на кухне. Чай остывал быстрее, чем разговор. На столе могли лежать распечатки, книга или старый блокнот с заметками. Папа любил простые вещи и терпеть не мог пустых слов.

— Запомни, — говорил он, когда Владимир в очередной раз вздыхал: «Это всё слишком сложно». — Техника не должна быть простой. Она должна быть понятной.

Владимир усмехался:

— Это одно и то же.

Папа качал головой:

— Нет. Простое — это когда кажется, будто думать не нужно. А понятное — это когда ты разобрался и смог объяснить другому. Вот к этому и иди.

Однажды Владимир спросил:

— Да кому вообще нужна эта радиотехника? Всё уже придумали.

Папа тогда даже не рассердился. Он просто поставил кружку, посмотрел на сына и сказал спокойно:

— За радиотехникой будущее. Она лежит в основе развития человечества. Чем сложнее она становится, тем больше пользы приносит людям. Если в ней хорошо разбираться, она станет хорошим помощником тебе в будущем.

— Это ты про Wi-Fi? — пошутил Владимир.

Папа усмехнулся:

— Про то, чтобы системы работали слаженно друг с другом, чтобы один сигнал не нарушал работу других. Радиотехника помогает человеку справляться с разными задачами, предупреждает и защищает его от беды.

Тогда Владимир отмахнулся. Но теперь, когда он сам сталкивался с трудными задачами, эти слова вспоминались всё чаще. Он понимал: папа говорил не только о будущем и технологиях — он говорил об ответственности, которая приходит вместе с пониманием. Именно папа когда-то посоветовал ему идти в МИРЭА — не давлением, а разговором по-взрослому: «Если тебе интересно, как устроен мир, иди туда, где учат не только пользоваться, но и понимать».

А потом был день рождения. Владимир мечтал о новой модели телефона — о мощном аппарате, который «тянет всё». Но телефон был очень дорогим, и Владимир, заглядываясь на него в витрине, думал: «Когда-нибудь я тебя куплю». Однако со временем почти убедил себя, что это не нужно.

Папа протянул коробку молча. Владимир открыл — и на секунду не поверил.

— Пап... ты серьёзно?

Папа улыбнулся так, как улыбаются взрослые, когда знают что-то важное и доброе.

— Серьёзно, — сказал он. — Ты для меня дороже всех денег на свете.

И обнял его.

Этот телефон Владимир берёт — не из жадности, а из уважения. К подарку, к словам, к тому, что за ними стояло. И чем дальше, тем чаще он задумывался о том, как важно не просто владеть техникой, а понимать её смысл и ответственность за неё. Именно это он особенно ценил в своём наставнике.

Юрий Викторович помогал ему с выпускной работой спокойно, строго и очень по делу. Никогда не говорил лишнего и не давал простых советов, когда вопрос был сложный. Зато умел задать одну фразу так, что Владимир потом неделю думал и приходил к решению сам.

В тот день Владимир подошёл к нему после пары.

— Юрий Викторович, можно у вас попросить один справочник? Мне нужен тот старый, который вы мне показывали. По радиотехнике, с измерениями и таблицами.

Профессор посмотрел на него внимательно.

— Какой именно раздел?

Владимир назвал. Юрий Викторович кивнул, будто ожидал именно этого.

— Есть, — сказал он. — Только он внизу, в кладовке. Пойдём.

Они спустились в подвал института по лестнице, где свет всегда был чуть слабее, чем наверху. Не темно, но с оттенком экономии — будто подвалу не положено быть слишком бодрым. Пахло пылью, старой краской и проводкой — тем самым запахом, который бывает в местах, где живут техника и тишина.

Юрий Викторович достал связку ключей.

— Сейчас быстро возьмём и поднимемся.

Он повернул один ключ в замке — тот не пошёл. Профессор нахмурился, попробовал другой. Дверь не открылась.

— Не тот ключ, — сказал Юрий Викторович без раздражения, но с лёгким недовольством к самому себе. — Ладно. Я схожу на охрану в другой корпус и возьму нужный. Ты тут подожди. Никуда не уходи.

— Хорошо, — ответил Владимир.

Шаги профессора растворились в лестничной клетке. В подвале стало ещё тише.

Владимир огляделся. В углу стояло старое кресло — не офисное, а настоящие: тяжёлое, с потёртой тканью и скрипом, который предупреждает заранее. Видимо, сюда кто-то когда-то приносил чай и сидел на дежурстве, или читал, или просто прятался от шума. Владимир сел в кресло «на минуту». Усталость последних дней была хитрой: не давила, а подкрадывалась. Он достал смартфон, поставил короткий таймер, чтобы не отключиться всерьёз, и положил его на край стола.

Свет над головой моргнул один раз.

«Показалось», — подумал Владимир.

Он устроился удобнее, закрыл глаза буквально на секунду — и провалился.

Проснулся резко. Тишина стала другой — не «подвал института», а тишина как в месте, где всё выключено и забыто. Владимир сел и понял, что вокруг тьма. Не полумрак, не слабая лампа — плотная, густая темнота, как ткань. Он потянулся к телефону и нажал на кнопку. Экран не загорелся. Ещё раз. Ничего. Будто кто-то выключил не только свет, но и саму привычку света быть.

Владимир проглотил ком в горле и машинально нащупал брелок в кармане. Металл жетона оказался тёплым.

Он поднялся. Где-то справа, там, где минуту назад должна была быть стена подвала, виднелся слабый контур — тонкая полоска света, как на двери, которую приоткрыли. Владимир сделал шаг ближе. Контур стал явственнее, и вместе с ним пришло чувство узнавания, неприятное и точное: вот так же начиналось тогда.

В полутьме проступила дверь. Низкая, не такая, как обычные. На ней был рисунок: дверца и маленькие человечки вокруг, словно пиктограмма.

Владимир вдохнул.

— Не может быть, — сказал он.

Где-то далеко раздался едва слышный шелчок — тот самый, который он помнил слишком хорошо.

Он ещё секунду смотрел на дверь, и вдруг его осенило: его дипломная работа как раз касалась фильтрации импульсных помех в слаботочных цепях. Он даже придумал простую схему на двух конденсаторах и дросселе, которая могла бы отсекал короткие выбросы, не трогая основное питание. «Забавно, — подумал Владимир, — если бы я мог поставить такую защиту там, внизу, возможно, их автоматика перестала бы сходиться с ума». Мысль показалась странной, почти детской, но брелок в кармане нагрелся сильнее, словно подбадривая.

И тут он вспомнил: за день до этого, сидя в пустой аудитории, он заметил странное мигание лампы над дверью лаборатории № 317. Три коротких, пауза, две длинных, пауза, три коротких — сигнал бедствия. Тогда он подумал — помехи. А сейчас понял: это был зов. Кто-то внизу звал на помощь, и световой код прошёл сквозь кабели, через этажи, прямо к нему. Брелок в кармане стал горячим, будто подтверждая догадку.

— Ты меня звала, — прошептал Владимир.

Он протянул руку, коснулся дверной ручки и почувствовал, что металл под пальцами тёплый, как живой. Владимир не хотел снова проваливаться, не хотел снова объяснять себе, что это сон, не хотел снова быть тем парнем, который случайно оказался в чужом мире. Но брелок был тёплым, а дверь — настоящей.

Он открыл её. Изнутри пахло влажным воздухом, пылью и старой проводкой. Пахло Малой Москвой.

Владимир сделал первый шаг и сразу заметил: здесь всё устроено иначе, чем в прошлый раз. Над головой, от здания к зданию, тянулись тонкие провода — старые, с потрескавшейся изоляцией, кое-где перемотанные синей изолентой, кое-где подвязанные бечёвкой. А на них, как спелые груши на ветках, висели лампочки накаливания. Обыкновенные стеклянные лампочки — грушевидные, с едва заметной вольфрамовой нитью внутри. Они не светили ярко, но давали мягкий, чуть желтоватый свет — ровно столько, чтобы видеть всё вокруг: морщинки на стенах, лица редких прохожих, таблички на дверях.

Владимир поднял голову и посмотрел прямо на ближайшую лампочку. И удивился: не было ни зайчиков в глазах, ни боли. Только тёплое, спокойное свечение, от которого хотелось задержаться, а не спешить в темноту. Фонарных столбов в городе не оказалось — ни одного. Лампочки висели на проводах, слегка покачиваясь от лёгкого сквозняка, и их тени ползли по стенам, словно живые. Изредка какая-то лампочка чуть заметно моргала — как будто подмигивала прохожему.

Владимир пошёл вперёд, и брелок в кармане перестал быть просто тёплым — он стал живым. Словно город узнал его и сказал: «Здравствуй. Я ждал».

На стенах он заметил странные, но красивые механизмы. Вот распределительная коробка, вся покрытая чеканкой — медные листья и лампочки в центре. Ручки тумблеров выточены из кости и отполированы до блеска. Вольтметр в деревянной оправе, со стрелкой, на конце которой — крошечная светящаяся точка. Каждая вещь здесь была не просто инструментом, а произведением искусства. Кто-то потратил часы, чтобы сделать обычный рубильник красивым, приятным на ощупь, с плавным ходом.

Владимир провёл пальцем по крышке одной из коробок — медь была тёплой, узор из виноградных листьев чётким, ни одной зазубрины.

— У них тут каждая деталь с душой, — прошептал он.

Конец главы 1.

Глава 2. Диспетчер

Владимир стоял перед дверью с табличкой «ДИСПЕТЧЕРСКАЯ» и всё ещё сжимал в кармане тёплый брелок. За дверью было тихо, но он чувствовал — там кто-то есть. Город за его спиной жил своей мерной, спокойной жизнью: где-то потрескивал трансформатор, цокали по камню колёса электромобильчика, из мастерской доносился приглушённый голос инструктора по безопасности.

Он перевёл дух и постучал.

— Войдите, — раздалось изнутри. Голос был молодым, но уверенным, без тени сомнения.

Владимир толкнул дверь и шагнул через порог.

Диспетчерская оказалась светлее, чем он ожидал. Не потому что ярко, а потому что свет здесь был уверенным — без дрожи, без лишних морганий, ровный и спокойный. Комната выглядела знакомо и незнакомо одновременно. Всё та же старая техника, те же стрелочные приборы на стенах, те же кабели, которые не прятались в стены, а шли по ним, как корни векового дерева. Но теперь у всего было место, и у этого места — название.

На стене висела доска с листами, закреплёнными кнопками. Сверху крупно было написано:

«ДИСПЕТЧЕРСКИЙ УЧАСТОК. ЖУРНАЛ ИМПУЛЬСОВ»

Ниже — аккуратная таблица, почти школьная. Графы: *время, участок, что произошло, что сделали, результат.*

Владимир остановился перед доской, но рассматривать её не успел — из-за стола поднялась Лиска. Он сразу узнал её, хотя она изменилась. Рыжие волосы стали короче и аккуратнее, не торчали в разные стороны, как раньше, а лежали ровно, прибраны под лёгкую повязку. Веснушки остались — те же, что и прежде, — но лицо стало взрослее: скупые линии, спокойный взгляд. Движения сделались плавными, без девичьей порывистости. В глазах — не только смелость, которая была у неё всегда, но и привычка принимать решения, и лёгкая усталость от этих решений.

На ней была форма. Не идеально новая, но ухоженная: выглаженная куртка, чистые брюки. На груди — значок Малой Москвы в виде лампочки с цифрой «17» — номер её участка. На поясе — связка ключей, но теперь они не звенели хаотично, а висели собранно, будто сами знали своё место.

И главное: она встретила его не как проводница, не как девочка-подросток, а как человек, который отвечает за участок. За людей. За свет. За всё.

Лиска посмотрела на Владимира. Секунду. Потом ещё одну. Без удивления, без вопроса — как на факт.

— Владимир, — сказала она.

У него внутри что-то отпустило — та самая тугая пружина, которая сжималась с тех пор, как он открыл дверь в подвале института.

— Лиска, — ответил он.

Она подошла ближе — не быстро, а уверенно, как подходят к старому знакомому, которого давно не видели, но хорошо помнят.

— Ты вырос, — сказала она. — И выглядишь уставшим.

— Ты тоже выросла, — ответил Владимир. — И выглядишь... как настоящий диспетчер.

Лиска кивнула, будто отметила галочку, и сказала:

— Это хорошо. Значит, у тебя хватит ума не делать глупостей. Потому что сейчас не время.

— Что случилось? — спросил Владимир.

Она посмотрела на дверь, убедилась, что никто не подслушивает, и ответила тише, но так, чтобы он услышал каждое слово:

— У нас начались импульсы.

— Какие импульсы? — не понял Владимир.

Лиска помедлила, подбирая слова.

— Такие, от которых автоматика сходит с ума. Щит переключает питание как положено — иногда даже идеально. А потом — раз — и табло начинает показывать не то. Указатели мигают не туда, дверь может открыть не тот замок, светофор зависает на красном, лифт останавливается между этажами. Вчера, например, дверь №4 на Светлой улице открылась вместо того, чтобы закрыться, и выпустила кота Нурсика. Кота поймали, но осадок остался.

— То есть проблема не в силовой части, а в управлении, — сказал Владимир.

Лиска посмотрела на него внимательно.

— Ты теперь говоришь как инженер. Это хорошо. Но у нас люди говорят проще. У нас говорят: «всё делает не то».

— Хорошо, — улыбнулся Владимир. — Тогда скажи проще. Что именно делает не то? Лиска выдохнула.

— Управление. Именно управление. И это не похоже на обычную Смену. Смена была усталостью — когда провода стареют и питание проседает. А это... будто что-то новое, чего раньше не было. Кто-то или что-то бьёт по линиям управления коротко и резко. И после этого всё идёт кувырком.

У Владимира внутри стало тревожно.

— А вы знаете, откуда эти импульсы приходят?

Лиска покачала головой.

— Пока нет. Мы только начали замечать, что они приходят не по расписанию. Иногда утром, иногда ночью. Иногда когда всё спокойно, иногда когда все на месте. Мы завели журнал — каждый импульс записываем. Но закономерности пока не видно.

— Значит, надо разобраться, — твёрдо сказал Владимир.

Она посмотрела на него с той самой смесью надежды и сомнения, которая была у неё в прошлый раз, когда они только начинали своё первое приключение.

— Именно. Мы не любим зависеть от случайностей. Но пока не понимаем, что именно происходит.

В этот момент дверь диспетчерской приоткрылась, и внутрь заглянул пожилой человек в очках на лбу — Михеич, как позже узнал Владимир. За его спиной виднелись ещё несколько любопытных лиц.

— Диспетчер, — сказал Михеич, — можно? У нас тут вопросы. И чайник заодно вскипел.

— Заходите, — разрешила Лиска. — Владимир как раз объясняет, что такое импульс.

Человечки потянулись внутрь — кто с фонарём, кто с кружкой, кто просто из любопытства. Владимир заметил, что у каждого на поясе или на шее висел маленький фонарик, а один мальчик держал в руке световую палочку, которая мягко мерцала жёлтым.

Лиска повернулась к Владимиру:

— А ты можешь объяснить ещё проще? Чтобы даже дети поняли.

— Ладно, — сказал Владимир, взял со стола карандаш и на клочке бумаги нарисовал два прямоугольника. — Представьте, что у каждого вашего прибора есть два входа: один для еды — это питание, а другой для приказов — это управление. Импульс — это как если бы кто-то громко крикнул на ухо тому, кто принимает приказы. Приказ слышится неправильно, и прибор делает не то. Но еда у него при этом есть.

Один из человечков, пожилой, с седыми усами, спросил:

— А кто кричит?

— Пока не знаю, — честно ответил Владимир. — Но голос приходит откуда-то снаружи. Не из вашего города.

— А может, это всё же Смена, только новая? — подал голос Михеич.

— Смена выключает свет, — сказала Лиска твёрдо. — А тут свет горит, а управление путается. Владимир прав.

Человечки переглянулись. У них был удивительный способ общения: когда они не хотели шуметь, они чуть-чуть поднимали фонарики и поворачивали их друг к другу. Моргнул крас-

ным — «опасно», зелёным — «согласен», жёлтым — «подумаю». Сейчас несколько фонариков мигнули зелёным в сторону Лиски и Владимира — «согласны, поддерживаем».

Владимир заметил это и спросил:

— А что, у вас целый язык светом?

— А как же, — улыбнулась Лиска. — На станции тишина, а говорить громко — мешать другим. Вот и приспособились. Красный — стой, зелёный — иди, жёлтый — внимание, синий — нужна помощь, белый — всё хорошо, иду по плану. Есть ещё оранжевый — «не мешай, я работаю», и розовый — детский, для игр.

Она достала свой фонарик — маленький, на брелке, — и быстро мигнула им в сторону человечков: три коротких белых и один длинный зелёный. Те сразу успокоились, расселись по лавкам у стен.

— Что это было? — спросил Владимир.

— «Всё идёт по плану, всем спасибо, дежурные остаются», — перевела Лиска. — А теперь пойдём, я покажу кое-что интересное.

Она повела его не к выходу, как он ожидал, а в соседний закуток диспетчерской, где за небольшой шторкой обнаружилась деревянная стена с десятками ключей. Ключи были разными: маленькие медные, большие чугунные, плоские, крестообразные, даже один ключ-трубка. На каждом — узор: на медных — чеканка, на чугунных — гравировка, на плоских — ручная роспись.

— Это наша коллекция, — сказала Лиска. — Каждый ключ от какой-нибудь важной двери или шкафа. Но мы уже не помним, от чего они. Когда-то здесь были мастерские, склады, секретные комнаты.

— А зачем вы их храните? — спросил Владимир.

— На всякий случай. Вдруг найдётся дверь, которая не открывается обычным ключом. Однажды так нашли старый аварийный выход на поверхность.

Михеич, который зачем-то пошёл за ними, добавил:

— И ещё легенда есть. Если все ключи повесить на одно кольцо и позвонить ими, откроется дверь, за которой исполняется желание. Но никто не пробовал — боялся потерять ключи. Да и кольца такого не найдёшь.

— И что бы ты загадала? — спросил Владимир у Лиски.

— Чтобы импульсы исчезли навсегда, — не задумываясь, ответила она. — И чтобы никто в городе никогда не остался без света.

Она аккуратно задернула шторку, и они вернулись в диспетчерскую.

У стола Лиска вдруг остановилась и поправила воротник его куртки — совсем как мама, когда провожала в институт.

— У тебя тут пуговица болтается, — сказала она и быстро, будто испугавшись, отдернула руку. — Зашьёшь потом.

Владимир кивнул, не отрывая взгляда от щитка на стене, который заметил краем глаза.

— Спасибо. Слушай, а вот этот автомат на сколько ампер?

Лиска на секунду замерла, потом досадливо сморщила носик — совсем маленькую морщинку, которую никто не заметил бы, если бы не знал.

— На шестнадцать, — ответила она сухо и отвернулась.

Михеич, который сидел в углу с газетой, хмыкнул себе под нос, но промолчал.

Лиска подошла к большому журналу на столе, взяла его двумя руками и положила перед Владимиром.

— Это наш журнал импульсов. Если коротко: когда что-то не так — мы записываем. Время, место, что произошло, что сделали, результат.

Владимир открыл первую страницу. Почерк был разный — где-то крупный, где-то мелкий, но везде одна и та же попытка удержать смысл:

«10:14 — щелчок, провал на табло, стрелка на узле 3 сменилась на 7 секунд».

«11:02 — два импульса, дверь №4 в коридоре показала "выход", закрыли клином».

«13:40 — дрожание управления, реле "прыгает", помогли на щите руками, стабилизировали».

Владимир листал и чувствовал, как в голове складывается картина. Это было не «волшебство», не «Смена». Это было похоже на системные помехи, которые бьют туда, где тонко.

— Вы пишете «импульс», — сказал он. — Кто придумал слово?

Лиска помедлила и ответила честно:

— Я. Потому что «Смена» — это когда питание устало и переключилось. А тут как будто что-то ударяет. Коротко. Резко. И потом всё ведёт себя странно.

— Правильное слово, — сказал Владимир. — Импульс — это как раз «коротко и резко».

— Я просто устала бояться, — добавила Лиска. — Бояться можно только первое время. Потом нужно делать.

Она подошла к щитку у стены — старому, но ухоженному. Контакты блестели, подписи были обновлены, провода перетянуты аккуратно. Даже тканевая изоленка была намотана ровными слоями.

— Это наш центр на участке, — сказала Лиска. — Не Сердце Кольца, но место, где можно увидеть, что управление начинает «нервничать».

Владимир посмотрел на приборы. Стрелка напряжения стояла ровно. Стрелка «управления» — тоже. Но у самого края шкалы была маленькая отметка красным карандашом: «опасно».

— Вы калибровали? — спросил он.

— Мы заметили: когда стрелка уходит сюда, потом начинается хаос. Сбоит автоматика, пропадает свет и творится неразбериха.

Она не сказала «выход», но Владимир понял.

Он подошёл ближе и прислушался. Издалека донёсся щелчок — слабый, почти нормальный.

— Это обычное, — сказал Владимир.

Лиска кивнула.

— А теперь слушай внимательно.

Они замолчали. Тишина в диспетчерской была такой, что слышно было, как потрескивает лампа под потолком и как кто-то далеко по коридору переставляет ящик.

Потом — щёлк. Не один, а два, почти одновременно. Как если бы кто-то ударил по двум линиям сразу. Стрелка «управления» дрогнула, на мгновение ушла к красной отметке и вернулась обратно.

— Вот! — сказала Лиска.

— Да, — кивнул Владимир. — Это похоже на внешнюю помеху. Не на просадку питания — питание-то держится.

Он оглянулся на лампы — они не моргнули.

— Тогда почему двери и табло дурят? — спросила Лиска. В этом вопросе было главное: она не просила утешения, она просила схему.

Владимир осмотрел полки в диспетчерской. На одной из них лежали конденсаторы от старых ламп, кусок ферритового кольца из сгоревшего блока питания, моток тонкого провода. Он взял кольцо, намотал на него несколько витков провода и приставил к контакту щитка.

— Смотрите, это простейший фильтр. Он пропускает медленные сигналы, а быстрые «выстрелы» гасит. Как шумоподавитель.

Человечки — а их в дверях уже стояло с пяток — замороженно смотрели.

— Если мы поставим такие фильтры на всех узлах, город станет устойчивее даже до того, как мы найдём источник, — сказал Владимир.

— А где взять столько колец? — спросил Михеич.

— Можно сделать из чего угодно, — ответил Владимир. — Подойдёт даже стальной гвоздь, обмотанный проводом. Не идеально, но лучше, чем ничего.

Нюра, которая тоже заглянула в диспетчерскую, вытащила из кармана гвоздь и моток изолянта:

— Вот, держи!

Владимир за минуту смастерил импровизированный дроссель, воткнул его в разрыв одной из линий управления, и стрелка на щитке перестала дёргаться при каждом щелчке.

— Работает! — восхитился Гошка, молодой парень в жилетке, который до этого молча стоял в углу.

— Это временно, — сказал Владимир. — Но если поставите такие фильтры на всех узлах, город станет устойчивее.

Лиска кивнула и повернулась к человечкам:

— Всем мастерским задание: собрать из подручных материалов фильтры по образцу. Дежурных — на усиление.

Фонарики замигали зелёным. Работа закипела.

— Ну что, — сказала Лиска, закрывая журнал, — пойдём, покажу город. Ты должен увидеть, как мы живём. Только сразу предупреждаю: у нас всё не ровно, зато по-человечески.

Владимир убрал брелок в карман и вышел следом за ней из диспетчерской — в мягкий, мерцающий свет Малой Москвы.

Конец главы 2.

Глава 3. Город, который держится светом

Владимир вышел из диспетчерской и сразу почувствовал: здесь всё другое. Это был не просто подземный город — он жил по своим правилам, но правила эти были не строгими, а тёплыми, как старый плед. Свет не просто горел — он был частью жизни, и все это знали.

Улицы Малой Москвы были узкими, но не тесными. По стенам шли кабели — иногда аккуратно закреплённые, иногда как попало, но всегда с подписью мелом: «Л1», «ВОДА», «СВЯЗЬ», «НЕ ТРОГАТЬ — РАБОТАЕТ». На перекрёстках висели миниатюрные светофоры — три лампочки в жестяных корпусах, с облупившейся краской и бумажными наклейками: «НЕ СПЕШИ», «ПРОПУСТИ СОСЕДА».

Но самое удивительное — освещение. Здесь не было фонарных столбов — вообще ни одного. Вместо них от здания к зданию, от мастерской к мастерской тянулись тонкие провода, а на них, как спелые груши, висели лампочки накаливания. Обычные, стеклянные, с вольфрамовой нитью внутри. Они не светили ярко — давали мягкий, чуть желтоватый свет, ровно столько, чтобы видеть всё вокруг: лица прохожих, номера на дверях, трещины в асфальте.

Владимир поднял голову и замер. Над ним на высоте вытянутой руки висела такая лампочка. Она тихонько гудела и слегка вибрировала — нить внутри чуть подрагивала от проходящего тока. Он посмотрел прямо на неё. И удивился: не было ни зайчиков в глазах, ни боли. Только тёплое, спокойное свечение, от которого хотелось задержаться, а не спешить в темноту.

— У нас так весь город, — сказала Лиска, заметив его взгляд. — Мы пробовали ставить фонарные столбы, но они мешают ездить электромобильчикам. А так — провода сверху, лампы висят, как фонарики на ёлке. Не сломаешь, не зацепишь. Да и глаза не устают.

— Это главное, — добавил Владимир.

Они свернули в боковую улочку, и Владимир сразу уловил запах свежего хлеба и корицы. Из открытой двери маленького здания с вывеской из лампочек в форме кренделя выходил человек в белом колпаке и нёс поднос с ещё дымящимися булочками.

— Это пекарня дяди Мити, — сказала Лиска. — Лучшая в городе. Он печёт по ночам, когда импульсов меньше. Говорит, тесто не любит дрожи.

Владимир заглянул внутрь. В глубине стояла старая печь, переделанная из железной бочки, а рядом — стол для замеса с потёртой деревянной крышкой. На полках лежали буханки, ватрушки, плетёнки с маком. Но самое интересное было на стене над печью: там висели инструменты для выпечки, но не простые, а с узорами. Лопатки для хлеба с резными ручками, формы для булок в виде звёздочек и сердечек, даже термометр с циферблатом, на котором вместо цифр были нарисованы маленькие солнышки.

— Это мой дед делал, — сказал дядя Митя, заметив взгляд Владимира. — Он был не только пекарь, но и медник. Любую железку мог украсить так, что жалко было в печь ставить. Я берегу.

— Булочку? — Дядя Митя уже протягивал Лиске тёплый крендель.

— Спасибо, — ответила она и разломила его пополам. Большую половину отдала Владимиру. — Ешь. Ты сегодня много работаешь.

Владимир откусил и чуть не застонал от удовольствия — мягкое, сладковатое тесто с хрустящей корочкой.

— Это... невероятно.

— Секрет в закваске, — улыбнулся пекарь. — И в настроении. Если печь со злостью — тесто не поднимется. А если с добром — любой импульс не страшен.

Они пошли дальше. На перекрёстке стояла зарядная станция для фонариков — высокая тумба с десятком гнёзд, похожих на пасти довольных зверьков. Каждое гнездо было подписано: «Ф-1», «Ф-2», «СВЕТОПАЛОЧКА». Рядом — ящик с хвостами проводов и маленькая табличка: «ЗАРЯДКА БЕСПЛАТНО. НЕ ЗАБЫВАЙ ЗАБРАТЬ СВОЙ СВЕТ».

Человек в синей куртке — зарядмейстер — проверял контакты в гнёздах, вытирал их тряпкой и вешал на освободившиеся места бумажные бирки: «ИСПРАВНО», «ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ». Его инструменты лежали на специальной подставке: отвёртки с ручками из цветного стекла, пинцет с зажимом из латуни и маленький тестер в кожаном чехле с тиснением.

— Зарядмейстеры — важные люди, — пояснила Лиска. — Если фонарь сядет в самый неподходящий момент, это катастрофа. Особенно у тех, кто работает на линиях.

В этот момент к станции подбежал мальчик лет восьми с охапкой световых палочек — тонких пластиковых трубок со светодиодами на концах. Он рассовал их по гнёздам, и те замигали зелёным — пошёл заряд.

— Это для игр, — сказал мальчик, заметив взгляд Владимира. — Мы вечером в салки со светом играем. У кого палочка горит — тот водит. А если батарейка села — выбыл.

— А где вы берёте новые палочки? — спросил Владимир.

— В газетном киоске, — ответила Лиска. — Рядом с площадью, сейчас покажу.

Они вышли на небольшую площадь. В центре журчал фонтанчик, подсвеченный изнутри лампой, а вокруг стояли лавочки из старых катушек. Дети запускали бумажные кораблики, старик с радиоприёмником ловил местные новости.

У края площади стоял газетный киоск, выкрашенный в ярко-жёлтый цвет. Над окошком горела неоновая вывеска: «ПЕЧАТНОЕ СЛОВО». На прилавке лежали не только газеты, но и тонкие брошюры с названиями: «Световой этикет для малышей», «Как заменить контакт за минуту», «Ламповые истории». Обложки были отпечатаны на плотной бумаге с золотым тиснением — их явно делали с любовью.

— Можно взять бесплатно, — сказала Лиска. — Мы печатаем на старом станке, бумагу собираем с поверхности. Что выбрасывают — то перерабатываем.

Сбоку киоска висела большая пробковая доска — городская «информационная панель». Кнопками были прищиплены объявления:

«МАСТЕРСКАЯ НА УЛИЦЕ ЗАРЯДНОЙ ПРИГЛАШАЕТ НА КУРСЫ ПО ПАЙКЕ. ПРИХОДИТЕ С ДЕТЬМИ. ЧАЙ И ПРЯНИКИ — ЗА СЧЁТ ЗАВЕДЕНИЯ».

«ПРОПАЛ ФОНАРИК С ГРАВИРОВКОЙ "СТЕПКА". КТО НАЙДЁТ — ПОЛУЧИТ ПИРОГ ОТ БАБУШКИ ГАЛИ».

«СВОДКА ДИСПЕТЧЕРСКОЙ: ИМПУЛЬСЫ ЗА НЕДЕЛЮ — 4. СТАБИЛЬНОСТЬ — УЛУЧШАЕТСЯ».

В нижнем углу доски висела световая лента, которая отображала текущий уровень напряжения в сети. Сейчас она горела зелёным сектором — «норма».

— Это мы недавно придумали, — сказала Лиска. — Чтобы каждый мог посмотреть, как дела у города. Жёлтый — внимание, красный — готовься, зелёный — можно выдохнуть.

Рядом с киоском, под навесом из старой жести, стояли два столика и несколько скамеек из деревянных катушек. Здесь работала кофейня под открытым небом. Из маленького окошка торчал медный самовар, переделанный в кофемашину. Из его носика шёл пар, а на столе лежали чашки с отбитыми ручками — но чистые, аккуратные, и каждая была расписана вручную: кто-то нарисовал на них маленькие лампочки, цветы, звёзды.

— Кофе у нас редкость, — сказала Лиска. — Привозят сверху, когда дежурные находят выброшенные банки. Но варят вкусно. Хочешь?

— Давай позже, — ответил Владимир. — Сначала хочу посмотреть на ваш транспорт.

Они прошли к широкой улице, где по рельсам бесшумно катился трамвайчик — вагончик из жести и стекла, внутри которого горел тёплый свет. На боку трамвайчика была нарисована улыбающаяся лампочка, а под ней надпись: «СВЕТ В КАЖДЫЙ ДОМ». Ручки дверей были выточены из дерева в виде маленьких лампочек — их приятно было держать.

— Мы его зовём «Лампочка», — улыбнулась Лиска. — Он ходит от Фонтанной площади до старого элеватора. Бесплатно, конечно. Мест — восемь, но если втиснуться, то и пятнадцать.

Рядом с рельсами стояли электромобильчики. Они были разными: один — крошечный, синий, с откидным верхом, украшенный гирляндой миниатюрных лампочек. Другой — открытый, трансформер, складывающийся в тележку для багажа. Третий и вовсе напоминал старую прожекторную установку на колёсах.

— А как они заряжаются? — спросил Владимир.

— На зарядных станциях, как фонарики. Только дольше. У каждого водителя свой график. Если не успел зарядить — едешь на резервной батарее или идёшь пешком.

Из ближайшего переулка выкатился синий электромобильчик. Водитель, лохматый парень с фонарём на поясе, притормозил, молча кивнул Владимиру и покатил дальше. На заднем сиденье дремал рыжий кот Нурсик, свернувшийся на ящике с инструментами.

— А кот зачем? — удивился Владимир.

— Ловит мышей. У нас тут иногда заводится живность, которая любит грызть изоляцию. А кот Нурсик — лучший борец. Ему даже жетон дали за отлов трёх крыс в прошлом месяце. И палочку световую повесили на шею — чтобы в тёмных углах не потерялся.

На площади у фонтана Владимир заметил необычную картину: старушка сидела на скамейке, а рядом с ней, на поводке, стояла маленькая собачка — и на ошейнике у неё мягко мерцала световая палочка, обмотанная цветной тканью, чтобы не натирала.

— А это для чего? — спросил Владимир.

— Чтобы видно было, — ответила старушка. — У нас тут темновато, а собака маленькая, её легко не заметить. А так — видишь, где она, и никто не наступит. И она сама не боится.

— Ещё котам вешаем, — добавила Лиска. — Особенно чёрным. А то в тёмных переулках совсем не видно. У нас каждый кот со своей палочкой ходит. И собаки — тоже. Даже один хомяк есть, у него на клетке фонарик висит.

Кот Нурсик зевнул, слез с электромобильчика и куда-то ушёл, мерцая зелёной палочкой в темноте.

Они свернули в проулок, где по обе стороны тянулись мастерские. Над каждой дверью — своя вывеска с подсветкой.

Обувная мастерская — вывеска в виде сапога из зелёных лампочек, табличка: «*ЧИНЮ ЛЮБУЮ ОБУВЬ. ЗАРЯДКУ ФОНАРИКОВ НЕ ДЕЛАЮ*». За окошком старый мастер в очках пришивал подошву к маленькому ботинку, используя вместо шила паяльник. Его инструменты лежали на верстаке: шилья с резными ручками, молотки, на которых были выгравированы цветы, и странная машинка для натяжения нити — вся из латуни, с маленькими колёсиками и рычажками.

— Дядя Сеня, — представила Лиска. — Он сорок лет чинит обувь. Говорит: «Свет — это хорошо, но без обуви далеко не уйдёшь».

Дальше — мастерская по ремонту фонариков. Вывеска в виде улыбающейся лампочки, лампочки мигали по очереди, создавая эффект живой улыбки. Внутри трое человек разбирали старые фонарики, проверяли батарейки маленькими тестерами.

— Это наша светопомощь, — сказала Лиска. — Починят бесплатно, только за детали иногда просят жетоны.

Владимир заглянул внутрь. На полках лежали лампочки всех форм и размеров — груши, свечи, шарики. Рядом стояли банки с мелкими деталями: пружинки, контакты, проволочки, а также удивительные приборы, которые он никогда не видел: какой-то замысловатый ключ для настройки часов, ручной генератор с ручкой, украшенной перламутром, и маленький осциллограф в деревянном корпусе, с экраном, на котором вместо точек были нарисованы звёзды.

— А это что? — спросил Владимир.

— Это дедушкин «звездочёт», — ответил мастер. — Показывает не только сигнал, но и его качество. Если кривая ровная — значит, всё хорошо. Если прыгает — ищи проблему. Пользоваться им — одно удовольствие. Ручки тёплые, ход плавный.

— А откуда детали? — спросил Владимир.

— Сверху, — улыбнулась Лиска. — Что выбрасывают в ваших мусорных контейнерах, то у нас становится сокровищем. Старая люстра для вас — хлам. А для нас — пять отличных патронов и три лампы.

На улицах было много народу — каждый занят своим делом.

Регулировщик в светоотражающем жилете стоял на перекрёстке, поднимая и опуская фонарь на длинной палке. Зелёный — машины едут, красный — стоят. Работал чётко, без лишних движений, только изредка свистел в медный свисток, украшенный гравировкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.